А. С. Будиловичъ.

О ЕДИНСТВѢ РУССКАГО НАРОДА.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества 14 февраля 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, 45.
1907.

Мм. Гг.

Когда года три тому назадъ у насъ началась такъ называемая „весна“, наворожоная кн. Святополкъ-Мирскимъ, то ни этотъ декадентскій князь, ни его единомышленники не могли и догадываться, въ какихъ своеобразныхъ формахъ выразится эта всероссійская весна. Самое худшее, что они могли предполагать, это возможность наводненія гдѣнибудь на поемномъ берегу Волги, поврежденія нѣкоторыхъ дорогъ или мостовъ, усиленія тумановъ и насморковъ, быть можетъ и безвременную гибель отъ чахотки какой нибудь юной жизни. Но всѣ эти неудобства и утраты должны были обильно вознаградиться усиленіемъ солнечнаго свѣта, пробужденіемъ органической жизни, возможностью посѣва новыхъ даровъ неба, новыхъ злаковъ, чувствъ, стремленій.

И что же случилось? Наводненіе, произведенное отверстыми хлябіями снизу и сверху, оказалось губительнымъ потопомъ, который залилъ своими мутными водами всю русскую землю, со-

рвалъ всѣ плотины, снесъ всѣ мосты, всѣ межи и вѣхи, опредѣлявшія права собственности, заволокъ страну поистинѣ египетскою тьмою, сквозь которую долго не могли пробиться ни лучъ весенняго солнца, ни путеводное мерцаніе созвѣздій.

Какъ во дни исхода евреевъ изъ Египта, Россія покрылась словно безчисленнымъ множествомъ змѣй, мошекъ, песьихъ мухъ, которыя, носясь надъ окровавленной страной, жестоко жалили скотовъ и людей, за исключеніемъ конечно израильтянъ. Вмѣсто неопасныхъ болѣзней отъ насморка или инфлюэнцы, населеніе во многихъ мѣстахъ поражено было какимъ-то психическимъ недугомъ; въ его средѣ появилось множество бѣсноватыхъ, которые оглашали не только свои вертепы, но и стогны градовъ богохульствомъ и безуміемъ. И не оказывалось Цѣлителя, который могъ бы властнымъ словомъ запретить этимъ легіонамъ бѣсовъ, или, загнавъ ихъ въ свиное стадо, потопить гдѣ нибудь въ водахъ Тиверіады.

Даже теперь, когда источники безднъ какъ будто стали закрываться, а верхи горъ понемногу показываться надъ водой, все еще можно замѣтить и въ физическомъ, и въ нравственномъ состояніи Россіи безчисленные слѣды нанесеннаго потопомъ опустошенія.

Въ мірѣ нравственномъ это отражается какимъ то хаотическимъ смѣшеніемъ всѣхъ понятій, чувствъ, стремленій. Границы между добромъ и зломъ, правдою и ложью, подвигомъ и преступленіемъ, долгомъ и измѣною либо смѣшались, либо

извратились. У народа словно отшибло историческую память. Святыни семьи, родины, отечества совершенно поблекли передъ чувствами къ партійнымъ организаціямъ и моднымъ доктринамъ, какъ бы своекорыстны, нелѣпы и преступны онѣ ни были.

Даже такія освященныя вѣками народной жизни и народныхъ страданій понятія, какъ „русская земля“, „русскій народъ“ многими признаются чѣмъ-то условнымъ, почти излишнимъ. Въ первой Г. Думѣ нашелся депутатъ, который съ всенародной трибуны не устыдился заявить, что теперь нельзя уже употреблять выраженій „русская земля“, „русскій народъ“, такъ какъ значительныя части Россіи принадлежатъ де не русскимъ, а другимъ народностямъ, какъ то: полякамъ, армянамъ, грузинамъ, латышамъ.

Немало оказалось теперь и такихъ спеціалистовъ—даже въ составѣ нашей Академіи наукъ—которые тщательно избѣгаютъ выраженія „русскій языкъ“, замѣняя его терминомъ „великорусскій“, чтобы такимъ образомъ открыть на нашемъ югѣ просторъ для другого русскаго языка, именуемаго южнорусскимъ или украинскимъ.

Въ связи съ этимъ пошатнулось понятіе и о единствѣ русской національной школы; возникли проекты раздвоенія ея на національныя школы великорусскую и украинскую, а для нѣкоторыхъ еще и бѣлорусскую, независимо отъ существующей у насъ обширной системы школъ инородческихъ или русско-инородческихъ. По газетнымъ

свѣдѣніямъ, возможность самостоятельной русско-украинской школы какъ будто допускается и правительствомъ, притомъ не на низшей лишь ступени, но и на средней, въ видѣ нѣсколькихъ разрѣшенныхъ уже мужскихъ и женскихъ русско-украинскихъ частныхъ гимназій, между прочимъ въ Каменцѣ-Подольскѣ и Одессѣ. Въ университетахъ же Кіевскомъ, Новороссійскомъ, Харьковскомъ возникала уже рѣчь объ учрежденіи особыхъ каѳедръ для преподаванія по-украински нѣкоторыхъ отдѣловъ новоявленной на югѣ науки, именуемой „украйновѣдѣніемъ“. Эта наука завоевала себѣ мѣсто и въ нашей Академіи наукъ, которая вообще находитъ, что размежеваніе областей употребленія двухъ русскихъ образованныхъ языковъ не проведено еще жизнью; наоборотъ, оно должно де начаться именно теперь, на условіяхъ свободнаго состязанія двухъ соперниковъ.

Въ виду, однако, фактическаго существованія и русской земли, и русскаго языка, и русской школы, быть можетъ намъ не слѣдуетъ придавать особаго значенія подобнаго рода сумасброднымъ утвержденіямъ, теоріямъ, стремленіямъ, успокаиваясь между прочимъ Гамаліиловскимъ изреченіемъ, что если данное стремленіе „отъ человѣкъ, то оно разрушится само собою, а если отъ Бога, то людямъ не разрушить его“? Къ сожалѣнію, Гамаліилъ былъ правъ лишь по отношенію къ жизни вѣчной, а не временной. Изъ исторіи мы знаемъ, что и ложь можетъ держаться цѣлые вѣка, даже тысячелѣтія, какъ напримѣръ,

талмудъ, коранъ, папизмъ, которые, по нашему вѣрованію, не отъ Бога. А идеи возстановленія Римской имперіи на западѣ, Византійской „великой идеи“ на востокѣ, Симеонова царства у болгаръ, Душанова у сербовъ, Корвиновой Венгріи у мадьяръ, Ягеллонской Польши, Митридатовой Арменіи и т. д.—развѣ не держались всѣ эти фантасмагоріи цѣлые вѣка, какъ своего рода психозъ, бывшій иногда источникомъ чудныхъ подвиговъ, но чаще вторженій въ чужія права, безумій, убійствъ? Почему-бы и внушенной изчужа идеѣ о возстановленіи Сѣчи или Гетманщины не получить столь же пагубной власти надъ мозгами и волею южноруса? Да и происходящее нынѣ кругомъ насъ не служитъ ли доказательствомъ могущественнаго вліянія явно ложныхъ ученій на убѣжденія, а затѣмъ и на волю какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и народныхъ массъ? Ужели мы должны относиться къ подобнаго рода зловреднымъ ученіямъ съ апатичнымъ равнодушіемъ, рискуя на цѣлые вѣка отравить ими наши грядущія поколѣнія? Думается, что наоборотъ, мы должны всемѣрно бороться съ ученіями ложными, отрицательными, разрушительными, во имя творческихъ идей міровой правды, всенароднаго блага и вѣчной красоты.

Да позволено же мнѣ будетъ въ настоящемъ собраніи остановить ваше благосклонное вниманіе на одномъ изъ упомянутыхъ проявленій переживаемаго нами противо-историческаго декадентства, именно на отрицаніи русскаго народ-

наго единства. Эта теорія имѣетъ бо̀льшую важность, чѣмъ ученія объ автономіи окраинъ или федеративномъ ихъ отношеніи къ центру, такъ какъ она стремится расщепить самое ядро русскаго государства, что въ случаѣ удачи имѣло бы неисчислимыя и крайне гибельныя послѣдствія для всего нашего будущаго.

Положенія, въ которыхъ выражается дуалистическое ученіе о русскомъ народѣ, заключаются въ слѣдующемъ:

Русское племя уже издревле раскололось по типу, быту и культурѣ на два самостоятельныхъ народа: сѣверноруссκій и южноруссκій, или, какъ теперь чаще выражаются, великоруссκій и украинскій.

Этотъ вѣковой дуализмъ Руси южной и сѣверной особенно ясно выражается въ области языка, но онъ проявлялся и въ сферѣ государственной, особенно въ періодъ удѣльно-вѣчевой, а затѣмъ въ польско-литовскій, когда украинская государственность достигла самобытнаго выраженія въ запорожской Сѣчи и Гетманщинѣ; потому-то не Хмельницкій, а Мазепа является болѣе чистымъ выраженіемъ государственныхъ стремленій Украйны.

Замѣтенъ племенной дуализмъ русскихъ и въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ нашего сѣвера и юга, изъ коихъ первый развивался болѣе на почвѣ общинно-артельной, а второй—казацко-личной.

Наконецъ, онъ отражается и въ области лите-

ратуры, искусства, вообще просвѣщенія двухъ народовъ, особенно въ позднѣйшее время, когда вліянія христіанскаго Запада уже перевѣшивали у южнорусовъ вліянія православнаго Востока; въ области же религіозной это отразилось утвержденіемъ на югѣ и западѣ уніи, а впослѣдствіи разнаго рода сектъ, въ особенности штунды.

На основаніи этихъ данныхъ украинцы имѣютъ де право считать себя особымъ народомъ, призваннымъ къ самобытному развитію своихъ способностей и стремленій въ семьѣ и школѣ, жизни общественной и государственной, литературной и церковной. Если при этомъ произойдетъ нѣкоторое суженіе сферы проявленій великорусской народности, то это будетъ де жертвою, принесенною старшимъ братомъ младшему, на благо какъ всему русскому племени, такъ вообще славянству, а затѣмъ и человѣчеству.

Какъ же должны отнестись къ этого рода ученіямъ и стремленіямъ мы, русскіе славяне, стоящіе на почвѣ старыхъ, кирилло-меѳодіевскихъ основъ славянорусской образованности?

Первая наша обязанность заключается здѣсь въ томъ, чтобы провѣрить ученіе о двухъ русскихъ народахъ на данныхъ русской этнологіи и исторіи, пользуясь при этомъ аналогіями изъ жизни прочихъ историческихъ народовъ. Затѣмъ намъ придется сопоставить указанія логики съ требованіями жизни и долгомъ патріотизма.

При критической провѣркѣ грѣзъ украйноманства исходною точкою должно быть понятіе народа.

Обыкновенно подъ этимъ терминомъ понимается соціальный организмъ, представляющій живую связь семей, родовъ, поколѣній, объединенныхъ между собою узами крови и духа, родствомъ происхожденія и общностью основъ историческаго развитія. Главнымъ выразителемъ и носителемъ народнаго единства служитъ языкъ, который вслѣдствіе того и употреблялся у насъ встарь какъ синонимъ народа. Подъ единствомъ языка не можетъ, конечно, разумѣться полное тожество всѣхъ его нарѣчій, поднарѣчій, говоровъ, а лишь такая между ними близость, которая не исключала бы для говорящихъ на нихъ возможности взаимнаго пониманія и не ставила бы чрезмѣрныхъ затрудненій для ихъ совмѣстной духовной дѣятельности.

Если приложить это опредѣленіе къ современнымъ европейскимъ народамъ, то окажется, что ему соотвѣтствуютъ всѣ общепризнанные нынѣ въ этнографіи и въ соціологіи народы, какъ то: нѣмецкій, голландскій, англійскій и др. въ племени тевтонскомъ; французскій, португальскій, испанскій и др. въ племени романскомъ; а наконецъ болгарскій, сербо-хорватскій, словинскій, чехо-словенскій, сербо-лужицкій, польскій, русскій въ племени славянскомъ. При этомъ мы не отличаемъ народовъ большихъ отъ малыхъ, государственныхъ отъ негосударственныхъ или, какъ нѣкоторые выражаются, народовъ отъ націй. Но если бы оказалось необходимымъ различеніе послѣднихъ или вообще народовъ міровыхъ отъ второстепенныхъ, то къ отмѣченнымъ

чертамъ народа вообще слѣдовало бы прибавить еще нѣкоторыя дополнительныя опредѣленія, какъ-то: обширность и цѣльность занимаемой даннымъ народомъ территоріи, даровитость расы, бытовую сплоченность, независимость политическую, самобытность литературную и вѣроисповѣдную и т. п.

Располагаетъ ли всѣми этими условіями величія и единства народъ русскій?

Да, и въ высокой мѣрѣ.

Назначенная ему въ удѣлъ территорія, простирающаяся отъ Тисы до Тихаго океана и отъ странъ полярныхъ до Арарата, Паропамиза и Алтая, несмотря на свою обширность, представляетъ замѣчательное единство въ смыслѣ топографическомъ, почему уже во времена греко-римскія эта великая восточная равнина была объединяема въ названіяхъ Скиѳіи, Сарматіи. Если бы возникло впослѣдствіи стремленіе раздробить эту область, отграниченную отъ другихъ двумя океанами, тремя морями и охранными валами горъ Карпатскихъ, Кавказо-армянскихъ, Гиндукуша, Тьянъшана, Алтая, Хингана,—въ смыслѣ напр. раздѣленія системъ Днѣпра и Зап. Двины, или Дона и Волги, то такое стремленіе прежде всего натолкнулось бы на невозможности топографическія, и скоро оказалось бы абсурдомъ.

Безспорная принадлежность русскаго народа къ великой и даровитой арійской семьѣ племенъ никѣмъ не оспаривается, кромѣ такихъ невѣждъ въ антропологіи и этнологіи, какимъ былъ пре-

словутый панъ Духинскій, считавшій западно-русовъ еще славянами, но великорусовъ уже помѣсью финновъ съ татарами. Если бы подобная гипотеза имѣла хоть малѣйшее основаніе, то этотъ дуализмъ непремѣнно отразился бы въ языкѣ, какъ самомъ чуткомъ выразителѣ физическихъ и психическихъ свойствъ расы. Между тѣмъ мы замѣчаемъ съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней поразительную—для столь великаго и распространеннаго народа—близость всѣхъ его говоровъ. Уже одно явленіе полногласія, въ теченіи десяти вѣковъ наблюдаемаго въ самыхъ противоположныхъ вѣтвяхъ русскаго племени, въ одной и той же сотнѣ корней, представляетъ столь прочную опору русскаго язычнаго единства, что ея не поколебать никакимъ усиліямъ разъединителей.

То же наблюдается и во всѣхъ остальныхъ основахъ общерусской фонетики, этимологіи, синтаксиса и въ трехъ четвертяхъ лексикона. Для древняго періода мы не можемъ указать по памятникамъ не только сколько нибудь замѣтныхъ слѣдовъ язычнаго дуализма, но и вообще крупныхъ діалектическихъ дроблений. Можно, конечно, предполагать нѣкоторое различіе въ говорахъ полянъ, древлянъ, вятичей и другихъ колѣнъ, извѣстныхъ намъ изъ Нестора, но эти различія были столь незначительны, что ихъ можно сравнить развѣ съ отдѣльными говорами нынѣшней Московской губ. На почвѣ этихъ древнерусскихъ говоровъ могли, правда, выработаться впослѣдствіи, при разъединеніи населеній, болѣе самостоятельныя нарѣ-

чія, но не въ двойственномъ лишь числѣ, а въ неопредѣленномъ. Если же позже у насъ образовались двѣ главныя системы говоровъ: сѣверная и южная, то это объясняется распаденіемъ древней Руси съ XIII—XIV в.в. на Русь Литовскую и Московскую. Но это раздѣленіе продолжалось не болѣе трехъ-четырехъ вѣковъ, почему эти двѣ системы и не могли слишкомъ обособиться. И въ настоящее время онѣ отличаются между собою скорѣе лексикономъ, чѣмъ грамматикой, вслѣдствіе чрезмѣрнаго наплыва въ говоры нашего юга и запада стихій польскихъ.

Все же и теперь при сравненіи нашихъ говоровъ сѣверныхъ и южныхъ вовсе не оказывается столь рѣзкаго различія системъ, какое существуетъ напр. между языками сербскимъ и болгарскимъ на славянскомъ югѣ или польскимъ и чешскимъ на западѣ. Наоборотъ, еще теперь различіе нашихъ двухъ нарѣчій не превышаетъ того, какое замѣчается тамъ между нарѣчіями болгарскимъ и македонскимъ, чешскимъ и словацкимъ, польскимъ и кашубскимъ. Да это и понятно: выдѣленіе основныхъ славянскихъ языковъ восходитъ ко временамъ доисторическимъ, тогда какъ наши два нарѣчія, какъ упомянуто, обособились не ранѣе средняго періода нашей исторіи.

Эти теоретическіе выводы подтверждаются и прямымъ наблюденіемъ: болгарину трудно понять серба, а еще труднѣе поляка или чеха, тогда какъ малорусъ всегда пойметъ великоруса, при первой съ нимъ встрѣчѣ. Потому то въ Венгріи сохра-

нился разсказъ, что во время русскаго похода 1849 г. солдаты кн. Паскевича, переваливъ черезъ Карпаты и дойдя уже до Тисы, все еще спрашивали мѣстныхъ угрорусовъ: да гдѣ же конецъ Россіи?

Взаимная близость русскихъ говоровъ сѣверной и южной системъ объясняется, дальше, общимъ вліяніемъ на нихъ языка церковно-славянскаго, а впослѣдствіи и сложившагося по его типу языка славянорусскаго, который упорно держался и на сѣверѣ, и на югѣ, даже въ періодъ распаденія Руси на московскую и литовскую. На этомъ языкѣ написаны не только наши древнія лѣтописи, житія святыхъ, поученія, но и Слово о полку Игоревѣ, а также другія поэтическія и прозаическія произведенія древней и средней эпохъ, вплоть до Ломоносова. Только въ актахъ встрѣчается болѣе непосредственное отраженіе живыхъ говоровъ, особенно въ періодъ Московской и Литовской Руси. При этомъ оказывается, что актовый языкъ послѣдней былъ до того засоренъ въ XVI—XVII в. полонизмами, что при дальнѣйшемъ развитіи легко уже могъ перейти за грань, отдѣляющую языкъ русскій отъ польскаго, особенно въ отношеніи лексическомъ и фразеологическомъ. Отсюда слѣдуетъ, что начавшаяся послѣ Хмельницкаго постепенная замѣна діалекта западно-русскаго языкомъ общерусскимъ, Ломоносовскаго типа, была вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденіемъ перваго отъ ляшскаго порабощенія, которое грозило ему гибелью.

При выработкѣ нашего нынѣшняго Ломоно-

совскаго языка, наряду съ писателями Великой и Бѣлой Руси, дѣятельное участіе принимали южнорусы, какъ напр. Кантеміръ, Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Гоголь и цѣлая плеяда новѣйшихъ писателей.

Изъ этого видно, что нашъ нынѣшній литературный языкъ не можетъ быть названъ великорусскимъ ни по своему происхожденію, ни по составу и строю, ни наконецъ по своимъ культурнымъ задачамъ. Наоборотъ, языкъ Ломоносова долженъ быть съ полнымъ правомъ признаваемъ языкомъ общерусскимъ, подобно тому, какъ на западѣ языкъ Данте признается общеитальянскимъ, Лютера—общенѣмецкимъ, Кальвина и Мольера общефранцузскимъ и т. д. Если же кто пожелалъ бы на основаніи акающаго выговора неударенныхъ о и нѣкоторыхъ другихъ звуковыхъ особенностей признавать нашъ литературный языкъ великорусскимъ, къ чему теперь склоняется и наша Академія наукъ, то съ не меньшимъ правомъ онъ могъ бы признавать литературные языки итальянскій — тосканскимъ, испанскій — кастильскимъ, французскій—ильдефранскимъ, нѣмецкій—верхнесаксонскимъ и т. п.

Что касается той разновидности нашего литературнаго языка, которая возникла въ концѣ XVIII в. въ „Перелицованной Энеидѣ“ Котляревскаго и развивалась затѣмъ въ области беллетристики въ произведеніяхъ Гулака, Квитки, Шевченка, Марка Вовчка и нѣкоторыхъ другихъ украинскихъ и червонорусскихъ поэтовъ прошлаго вѣка, то здѣсь

мы имѣемъ передъ собою не второй литературный языкъ, а областный діалектъ, напоминающій нижнесаксонскій и швабскій діалекты въ Германіи, венеціанскій и сицилійскій въ Италіи, провансальскій и гасконскій во Франціи и т. п. Писательствуя на этомъ діалектѣ, наши украинцы вовсе не задавались цѣлью создать въ немъ соперника языку Пушкина и Гоголя. Наоборотъ, они прибѣгали и къ послѣднему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на первый планъ выдвигались не мѣстный колоритъ, а болѣе серьезное содержаніе и общенародныя задачи.

Только въ Галиціи и Буковинѣ въ послѣднія десятилѣтія зародилась мысль о второмъ большомъ русскомъ языкѣ. Но въ основу его тамъ положенъ былъ не старый славянорусскій или новый Ломоносовскій языкъ, даже не поэтическій діалектъ Шевченко, а особый искусственный жаргонъ, скованный изъ стихій рѣчи украинской и червонорусской и пропитанный множествомъ наслоеній изъ ялыка польскаго, особенно въ области терминологической и фразеологической. Получилось какъ бы второе изданіе западно-русскаго актоваго языка XVII в., но съ тѣмъ различіемъ, что въ послѣднемъ полонизмы и латинизмы были естественнымъ наносомъ латино-польской школы, въ первомъ же подобные наносы являются результатомъ сознательнаго стремленія какъ можно дальше уйти отъ языка общерусскаго и его церковно-славянской основы. Въ этихъ видахъ, по почину австрійскаго правительства и польскаго общества, наше тради-

ціонное правописаніе замѣнено въ этомъ жаргонѣ правописаніемъ фонетическимъ, которое окончательно разрываетъ связи между книгою „украинскою“ и общерусскою. Такъ какъ особымъ закономъ жаргонъ этотъ, въ фонетическомъ облаченіи, признанъ обязательнымъ для всѣхъ червонорусскихъ школъ—низшихъ, среднихъ и высшихъ, насколько тамъ оставалось еще мѣсто для русской рѣчи при господствѣ языковъ польскаго въ Галиціи, а нѣмецкаго въ Буковинѣ; то понятно, что на немъ стали появляться учебники и ученыя сочиненія по всѣмъ предметамъ преподаванія, обыкновенно столь же тенденціозные по содержанію, какъ и по языку. Были сдѣланы попытки перенести эту жаргонную литературу и по ту сторону Карпатъ, въ Угророссію, но она не встрѣтила тамъ сочувствія ни въ обществѣ, ни въ правительствѣ. Послѣднее расчитываетъ задавить въ одно два поколѣнія эту полумилліонную вѣтвь русскаго народа посредствомъ мадьярской школы. Теперь для галицкихъ сепаратистовъ открылась надежда заплавить своею жаргонною литературою нашу Украйну, путемъ низшей, средней и высшей школы. Удастся ли имъ это—покажетъ будущее Одного только не нужно забывать: по своему составу и строю жаргонъ этотъ приблизительно такъ относится къ нашему образованному языку и даже къ рѣчи Шевченко, какъ жаргонъ еврейскій къ языку нѣмецкому.

Переходя затѣмъ отъ отношеній язычныхъ къ политическимъ, мы не можемъ не замѣтить, что

государственная отдѣльность Южной Руси въ періодъ кіевскій, а Западной въ литовскій и польскій обыкновенно слишкомъ преувеличивается. Кіевъ въ старую эпоху именовался „матерью“ всѣхъ „русскихъ городовъ“, а не южно-русскихъ лишь, почему къ нему тяготѣли политически всѣ прочія русскія области, какъ впослѣдствіи къ Москвѣ. Дуализмъ Руси Московской и Литовской былъ не болѣе, какъ эпизодомъ въ русской исторіи, длившимся не болѣе трехъ четырехъ вѣковъ. Кромѣ того, западно-русамъ не пришлось играть при этомъ особенно самостоятельной государственной роли, такъ какъ они входили въ составъ чужихъ государствъ, Литовскаго и Польскаго. Не слѣдуетъ забывать и того, что въ государствѣ Литовскомъ болѣе важную роль пришлось играть бѣлорусамъ, чѣмъ малорусамъ, которые потому и не могутъ считаться правопреемниками государственности литовско-русской. Когда же со временъ Петра Могилы и Хмельницкаго вновь возвышается значеніе Кіева и Руси Южной, то голосъ этой Руси выражается въ направленіи объединенія съ Москвою, а не образованія отдѣльной государственности: „волимъ подъ царя русскаго, православнаго, а не подъ ляшскаго или бусурманскаго“, порѣшили казаки на Переяславской радѣ 1654 г. И этой всенародной тягѣ къ сѣверянамъ не могли потомъ помѣшать ни Выговскій, ни Дорошенко, ни Мазепа. Имя послѣдняго, столь превозносимое нынѣ украйноманами, въ памяти народа является синонимомъ предательства и из-

мѣны, навсегда заклейменнымъ и въ исторіи, и въ поэзіи, и даже въ церкви.

Нельзя отрицать, что въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ и стремленіяхъ нашего украинскаго крестьянства сложились нѣкоторыя своеобразныя черты, подъ вліяніемъ Польши и степей,—въ томъ числѣ, пожалуй, нѣкоторое преобладаніе индивидуализма надъ лучше сохранившимся отъ старины общиннымъ укладомъ великорусскаго сѣвера. Очень своеобразными выразителями такого индивидуализма служили тѣ казаки, которые приняли участіе въ смутахъ междуцарствія и которыхъ типичнѣйшимъ представителемъ былъ Ив. Заруцкій. Но все же сомнительно, чтобы на почвѣ преобладанія личности надъ общественностью можно было соорудить сколько-нибудь прочное государственное зданіе. Примѣры Индіи, древней Греціи, да и самой Украйны, столько вѣковъ подчинявшейся сосѣдямъ, доказываютъ противное.

Невозможно согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ, будто преобладаніе въ южнорусской жизни и образованности западническихъ стихій, проникавшихъ туда изъ Польши, Венгріи, Австро-Германіи, создаетъ для этой образованности гарантіи самобытности и творчества. Наоборотъ, послѣднее неминуемо будетъ подавлено у южнорусовъ односторонностями этого вліянія, а также его механическимъ характеромъ: послѣдній невольно бросается въ глаза по сравненію, напримѣръ, съ органическимъ характеромъ тѣхъ культурныхъ

учрежденій, какія восприняты были южнорусами изъ Византіи, въ формахъ Кирилло-Меѳодіевской церкви и письменности, и которыя навсегда пребудутъ основами общерусской образованности. Самымъ наглядным подтвержденіемъ того служитъ насильственный характеръ и недолговѣчность западнорусской уніи, а въ новѣйшее время—навязанной многимъ южнорусскимъ батракамъ ихъ хозяевами нѣмцами штунды и прочихъ сектъ протестантскаго происхожденія. До какой степени извращается при этомъ традиціонный обликъ южнорусскаго казака, видно изъ того, что въ хижинахъ штундистовъ обыкновенно бываютъ развѣшаны изображенія не Сагайдачнаго или Хмельницкаго, даже не Мазепы, а Мольтке и Бисмарка!

При столь очевидной низкопробности всѣхъ тѣхъ культурныхъ особенностей, на которыхъ только и могла бы, въ отличіе отъ общерусской образованности, утверждаться въ будущемъ культурная самобытность нашего юга, не можетъ быть сомнѣнія, что и результаты подобной культуры оказались бы столь же низкопробными и недолговѣчными.

А между тѣмъ ея развитіе у южнорусскихъ кустарей могло бы совершаться лишь за счетъ образованности общерусской, слѣдовательно къ неисчислимому ущербу всего народа русскаго и лежащаго на немъ призванія въ мірѣ славянскомъ и христіанскомъ.

Крайняя несостоятельность и даже полная отсталость ученія о двухъ русскихъ народахъ еще

болѣе бросится въ глаза, если мы перейдемъ отъ фактовъ исторической жизни къ проявленіямъ личнаго сознанія всѣхъ лучшихъ русскихъ людей.

Твердое сознаніе народнаго единства можно прослѣдить по всѣмъ памятникамъ нашей литературы, начиная отъ дней древнихъ. Такъ нашъ первый лѣтописецъ Несторъ даже озаглавилъ свою „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ словами: „откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Русская земля стала есть“. Изъ содержанія же лѣтописи видно, что въ Несторовское понятіе „Русской земли“ входили не только поляне, древляне, новгородцы и другія славяно-русскія племена, но и жившія на этой территоріи инородцы литовскаго, финскаго и тюркскаго племенъ. Насколько шире и глубже слѣд. было національное сознаніе этого стараго и даже по имени точнѣе неизвѣстнаго лѣтописца, чѣмъ, напримѣръ, нашего современнаго историка Карѣева, который прямо предостерегалъ Государственную Думу отъ употребленія Несторовскихъ выраженій „Русская земля“, „русскій народъ“!

И нашъ древній пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“, описывая неудачный походъ въ степи, призывалъ всѣхъ русскихъ князей, всѣхъ русскихъ людей отомстить татарамъ „за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святославлича“.

Даніилъ же Паломникъ, прибывъ въ Іерусалимъ въ церковь Гроба Господня, съ какимъ

трогательнымъ чувствомъ поставилъ тамъ „кандило... за вся князи наша и за всю Русскую землю, за вся христіаны Русскія земли“!

А святитель Петръ, какъ ясно сознавалъ онъ единство русскаго народа, когда перенесъ свою дѣятельность изъ родного Галича на сѣверъ, содѣйствуя возстановленію въ Москвѣ, вмѣсто павшаго Кіева, новаго средоточія Русской земли, за что и удостоился наименованія чудотворца всероссійскаго!

Сколько разъ ссылались на единство русскаго народа и Русской земли наши князья и цари, собиратели Руси!

Ломоносовъ же, образуя общерусскій языкъ и правописаніе, нарочно оставилъ букву ѣ по потребностямъ малорусовъ, которые выговариваютъ де ее какъ и.

Съ какою энергіею возсталъ противъ расчлененія Россіи—на восточную и западную—нашъ Карамзинъ, въ знаменитомъ „Мнѣніи русскаго гражданина“, представленномъ императору Александру I въ 1819 г...

Въ какой трогательной формѣ отразилась затѣмъ идея единства Русской земли въ дружбѣ Пушкина и Гоголя, изъ коихъ одинъ воплощалъ въ себѣ геній нашего сѣвера, а другой—юга и которые, давъ послѣдній чеканъ нашему образованному языку, упрочили и всероссійскія основы нашей національной литературы! На этихъ именно основахъ развилась затѣмъ могучая дѣятельность Лермонтова, Хомякова, Тютчева, Тургенева, Тол-

стого, Достоевскаго. Это литературное теченіе оказалось столь могущественнымъ, что оно захватило не только нашу Украйну, но и Русь зарубежную, гдѣ еще въ половинѣ прошлаго вѣка открыто провозглашаемъ былъ Добрянскимъ, Малиновскимъ, Зубрицкимъ, Головацкимъ, Наумовичемъ, Духновичемъ и др. галичанами и угрорусами догматъ единства русскаго языка и народа, который втайнѣ признавали впрочемъ тамъ и раньше, какъ наслѣдіе дѣдовской старины. И теперь, несмотря на всѣ преслѣдованія со стороны поляковъ и Габсбурговъ, издаются въ Галиціи журналы на общерусскомъ языкѣ, гдѣ встрѣчаются прекрасныя по стилю произведенія мѣстныхъ публицистовъ и поэтовъ: Мончаловскаго, Яворскаго, Свѣнцицкаго, Вергуна, Глѣбовицкаго, Глушкевича и н. др.

И изъ среды дѣятелей Славянскаго общества не одному приходилось уже высказываться по вопросу о единствѣ русскаго языка и народа. Отъ нашихъ же бывшихъ предсѣдателей Погодина и Гильфердинга остались и особыя статьи въ защиту этого единства.

Даже въ средѣ тѣхъ людей, которые назывались у насъ украйнофилами и которымъ приходилось иной разъ проговариваться объ отдѣльности или даже самобытности южнорусскаго языка, все таки сознавалась необходимость держаться и общаго языка въ высшихъ родахъ литературы, и связей съ государственнымъ цѣлымъ. Это можно замѣтить, напримѣръ, въ сочиненіяхъ Максимовича, Костомарова, Кулиша, Потебни, Котляревскаго,

Мордовцева, Антоновича и др. Даже Драгомановъ убѣждалъ своихъ южнорусскихъ единомышленниковъ не разрывать связей съ русскимъ языкомъ и литературою, безъ которыхъ они могутъ де одичать въ своемъ провинціализмѣ.

Но уже давно въ сознаніи нашихъ украйнофиловъ стала зарождаться и идея о возможности преобразованія Россіи въ федерацію. Въ неясныхъ очертаніяхъ она замѣтна въ программѣ того Кирилло-Меѳодіевскаго общества, которое въ 1847 г. было организовано въ Кіевѣ Гулакомъ, Костомаровымъ, Шевченко, но не могло тамъ развиваться, за выселеніемъ руководителей въ мѣста не столь отдаленныя.

Впослѣдствіи, уже въ 70-хъ годахъ, мнѣ пришлось лично слышать въ Чешской Прагѣ отъ одного изъ самыхъ образованныхъ нашихъ украйнофиловъ, именно покойнаго проф. А. А. Котляревскаго, высказанное въ пылу спора признаніе, что русскому государству придется впослѣдствіи распасться на три автономныя части—Великороссію съ Петербургомъ, Малороссію съ Цареградомъ и Сибирь съ Иркутскомъ. Я тогда не понялъ, что же станется въ такомъ случаѣ съ пропущенными въ этомъ предсказаніи старыми средоточіями Русской земли Москвой, Кіевомъ, Вильной. Нынѣ можно догадываться, что по украйнофильской программѣ уже тогда считалось возможнымъ уступить ихъ кому-то другому, вѣроятно евреямъ, какъ экономическому цементу Русской земли.

Не могу не отмѣтить, что къ числу славянскихъ

федералистовъ причисляютъ и Н. Я. Даниловскаго. Но та федерація, которую въ сочиненіи „Европа и Россія“ онъ начерталъ въ будущемъ для славянъ, не имѣетъ ничего общаго съ предположеніями о расщепленіи народнаго ядра Русской земли. Наоборотъ, по его идеямъ это ядро должно оставаться цѣльнымъ, чтобы послужить какъ бы солнцемъ или центральнымъ тѣломъ нашей племенной системы, вокругъ котораго могли бы вращаться на разныхъ разстояніяхъ меньшія славянскія народности. Вѣдь понятно, что въ случаѣ распаденія на два, а потомъ и бо́льшее число мелкихъ частей этого солнца славянъ, неизбѣжно сдвинулись бы со своихъ орбитъ и всѣ его спутники, чтобы затѣмъ разсыпаться въ пространствѣ роемъ падучихъ звѣздъ. И уже не на западномъ, а на восточномъ небосклонѣ пришлось бы человѣчеству наблюдать явленіе, предсказанное Хомяковымъ въ чудномъ четверостишіи:

Ахъ грустно, грустно мнѣ; ложится тьма густая
На дальнемъ Западѣ, странѣ святыхъ чудесъ;
Свѣтила прежнія блѣднѣютъ догорая,
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ...

Совершенно въ другомъ видѣ представляютъ себѣ картину русскаго будущаго галицкіе и буковинскіе сепаратисты, руководимые указаніями поляковъ, отчасти и нѣмцевъ. Въ цѣломъ рядѣ брошюръ и статей, въ родѣ напр. „Самостійна Украина“ (Львовъ 1900 г.), они проводятъ мысль, что русская Галиція и Буковина должны послу-

жить какъ бы Пьемонтомъ южнорусскаго народа, призваннымъ духовно объединить послѣдній на протяженіи отъ Карпата до Кавказа и отъ Тисы до Волги, чтобы затѣмъ, съ оружіемъ въ рукахъ, оторвать эту область отъ Москвы не только въ язычномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Въ русскихъ школахъ Галичины и Буковины можно теперь нерѣдко слышать—составляющую какъ-бы украинскій народный гимнъ—пѣснь, которая начинается такъ:

„Не пора, не пора, не пора
Москалёви и ляхови служити;
Довершилась въ Украинѣ кривда стара,
Намъ пора для Украины жити".

Можно ожидать, что съ состоявшимся уже перенесеніемъ изъ Львова въ Кіевъ части главнаго штаба украйномановъ, съ проф. М. Грушевскимъ во главѣ, и съ принципіальнымъ разрѣшеніемъ со стороны нашихъ школьныхъ властей преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, даже средняго разряда, на малорусскомъ нарѣчіи, или вѣрнѣе на описанномъ выше червонорусскомъ жаргонѣ, вскорѣ и наши южнорусскія школы огласятся пѣснью: „Не пора, не пора".

А такъ какъ жизнь всегда развивается съ извѣстной послѣдовательностью, то можно предсказать, что отторженіе нашего юга отъ сѣвера въ язычномъ отношеніи постепенно подготовитъ почву для его отпаденія и въ смыслѣ государственномъ,—подобно тому, какъ это случилось на

полуостровѣ Иберійскомъ при отдѣленіи Португаліи, въ Германіи при отпаденіи Голландіи, а въ Скандинавіи при выдѣленіи—уже на нашихъ глазахъ—Норвегіи. Конечно, своими силами украинцы провести этого не могутъ. Но къ ихъ услугамъ будутъ всѣ враги Россіи, особенно поляки, евреи и многіе нѣмцы.

Между тѣмъ, и опытъ прежняго времени, и живыя наблюденія доказываютъ, что центробѣжныя стремленія, если и проявлялись иной разъ у южнорусовъ, то обыкновенно не въ средѣ народныхъ массъ, а въ верхахъ населенія, вслѣдствіе разъединительной политики сначала старорусскихъ князей и бояръ, потомъ гетмановъ и казацкой пановъ-рады, а въ новѣйшее время—разныхъ интеллигентовъ. Въ Галиціи важную роль играли при этомъ и польскіе политики: графы Голуховскій, Тарновскій, Бадени, кс. Калинка, проф. Гломбинскій и др. сановники, паны, профессора. Народныя же массы червонорусовъ, какъ и большинство ихъ независимой духовной и мірской интеллигенціи, относятся донынѣ отрицательно къ этому движенію, что проявилось и въ подписанномъ 50.000-ми галичанъ адресѣ къ императору Францу Іосифу противъ указа о фонетическомъ правописаніи.

Не менѣе отрицательное отношеніе къ бреднямъ украйноманства проявляютъ и наши южнорусы. Еще на дняхъ это констатировано столь классическимъ свидѣтелемъ, какъ проводырь галицкихъ сепаратистовъ, львовскій проф. М. Гру-

шевскій. Въ первой книжкѣ перенесеннаго теперь изъ Львова въ Кіевъ журнала „Литературно Науковій Вістник“ (Кіевъ 1907 г. стр. 146 слѣд.), онъ горько жалуется, что украинскія массы все еще представляютъ изъ себя безформенный и пассивный этнографическій элементъ, въ который предстоитъ еще вдунуть дыханіе національной жизни, связать общественные классы и территоріальныя части украинской земли сознаніемъ національнаго единства и такимъ образомъ создать національную основу для развитія культурной или общественной эволюціи. „У насъ, говоритъ г. Грушевскій, нѣтъ еще такой основы. Въ преобладающей части населенія національное является у насъ не болѣе, какъ пережиткомъ старины; наша культурная эволюція совершается въ формахъ чуждыхъ и развивается не на національныхъ основахъ, а помимо ихъ, уничтожая и ослабляя эти основы; наше просвѣщеніе распространяется въ формахъ россійской школьной науки, обезнароживающей молодежь; интересъ общественный проявляется только въ распространеніп среди народа книжекъ и газетъ россійскихъ, при полномъ равнодушіи къ своимъ, которыхъ впрочемъ и имѣется слишкомъ ужъ мало; участіе къ вопросамъ политической или общественной эволюціи выражается развѣ въ пренебреженіи ко всѣмъ національнымъ интересамъ, словно слишкомъ мелкимъ по нынѣшнимъ временамъ“. Въ виду этого авторъ и спрашиваетъ себя, не придется ли украинцамъ, при сооруженіи культурно-политическаго зданія безъ украинскаго

фундамента, еще посодѣйствовать разложенію остатковъ украинской жизни, причемъ положенъ будетъ крестъ на все украинское и задавятся слѣды украинскаго національнаго сознанія проблемами экономическаго и политическаго развитія?

Отмѣна ограниченій для южнорусскаго языка и печати въ новѣйшее время, по мнѣнію г. Грушевскаго, не только не улучшила украинскаго движенія, но пожалуй еще ослабила его, въ смыслѣ моральномъ. Прежде можно-де было объяснять безсиліе украинскаго слова тяжолыми запрещеніями; теперь они исчезли, а народныхъ силъ не оказывается. Нечего-де закрывать глазъ на страшные признаки нашего національнаго упадка! Какъ мало подписчиковъ и читателей находятъ лучшіе украинскіе газеты и журналы, среди 30-милліоннаго украинскаго населенія! Ни одинъ изъ нихъ не можетъ покрыть и минимальныхъ расходовъ изданія. Какъ мало украинскихъ книжекъ находится въ числѣ тѣхъ, какія обращаются теперь на украинской территоріи! И чѣмъ же проявила себя раскрѣпощенная украинская литература?

Если такой упадокъ, безсиліе и дозорганизація будутъ де продолжаться и дальше, при быстромъ движеніи всего окружающаго, то украинцы на всегда де и безповоротно останутся за флагомъ. Если украинство закоснѣетъ въ такомъ положеніи нѣсколько десятковъ лѣтъ, болѣе того, если оно не сдѣлается націею на протяженіи одного поколѣнія, то оно можетъ навсегда потерять воз-

можность къ тому. Если мы теперь же не заложимъ-де сильныхъ и широкихъ основъ для нашей національной культуры, то впослѣдствіи уже будетъ поздно думать и объ украинскомъ университетѣ, и о національно-украинскомъ сеймѣ; придется де навсегда ограничиться популярной литературою, мелкой беллетристикой для домашняго обихода, борьбою за права украинской рѣчи въ народной школѣ и медленно угасать во всѣхъ областяхъ украинской жизни, на своей украинской землѣ, уступая мѣсто настоящей культурѣ—россійской.

Необходимо крайнее самомнѣніе или дѣтская наивность, чтобы при столь ясномъ сознаніи г. Грушевскимъ крайней безпочвенности въ нашей Украйнѣ привезенныхъ имъ изъ Львова „мрій о самостійности Украйны отъ Карпата до Кавказа“ и притомъ не иначе, какъ „безъ попа, пана и хлопа“, все-таки дѣлать попытку „концентраціи въ Кіевѣ всеукраинскихъ силъ“, чѣмъ занимается тамъ нынѣ названный львовскій профессоръ!

Сотрудникъ г. Грушевскаго Николай Поршъ придумалъ впрочемъ еще одно средство, чтобы пробить украинскую инертность и заинтересовать массы въ національной автономіи Украйны: для этого необходимо-де заинтриговать народъ вопросомъ о даровой землѣ, пониженіи налоговъ и избраніи своихъ людей въ чиновники, которые затѣмъ будутъ-де отвѣтственны передъ мѣстнымъ сеймомъ!

Оказывается, однако, что и при всѣхъ этихъ

соблазнахъ украйноманской избирательной платформы мало прошло и въ первую, и во вторую Государственную Думу депутатовъ этого лагеря,— а если и проходили, то скорѣе евреи, чѣмъ казаки!

То же приблизительно видимъ въ Бѣлороссіи, гдѣ также не оказывается читателей для издаваемыхъ виленскими евреями и польскими инженерами бѣлорусскихъ газетъ и букварей въ кирилловской и латинской транскрипціяхъ, подъ названіями „Наша Доля“, „Наша Нива“, „Бѣларуски Ламентар“, „Бѣларускые Пѣсняры“ и т. п. Такъ и въ 60-ыхъ годахъ прошлаго вѣка, когда при ген.-губ. Назимовѣ и попечителѣ кн. Ширинскомъ Шихматовѣ затѣяно было въ Вильнѣ изданіе „Бѣлорусскаго Календаря“ на мѣстномъ просторѣчіи, для него вовсе не оказалось читателей, по несочувствію народныхъ массъ къ этого рода пустымъ затѣямъ!

А между тѣмъ нашъ общерусскій литературный языкъ сталъ таковымъ, послѣ Ломоносова, Карамзина, Пушкина, не въ силу какого-нибудь закона или административнаго распоряженія, а самъ собою, опираясь единственно на авторитетъ писателей и сочувствія образованнаго общества. Только въ прошломъ году, въ 3 статьѣ Основныхъ законовъ, впервые установлено общегосударственное значеніе русскаго языка. Но это было не болѣе, какъ закрѣпленіе историческаго факта, незамѣтно выросшаго въ процессѣ вѣкового развитія русской образованности.

Слѣдуетъ, однако, оговориться, что отстаивая завѣтную идею единства Русской земли, русскаго языка, русскаго народа, русской образованности, мы не забываемъ тѣхъ обязанностей, какія налагаетъ на нашъ народъ и его правительство идея царства, какъ политической организаціи, обслуживающей культурныя потребности не одного, а многихъ народовъ, составляющихъ въ совокупности то, что древніе римляне гордо называли orbis terrarum. Понятно, что въ міровомъ царствѣ такого объема и типа, какими были въ древности монархіи Персидская, Македонская, Римская, въ средніе вѣка—Западная и Восточная Римскія имперіи, а въ эпоху новую—Великобританія и Россія, условія разнообразія и единства не могутъ слагаться такъ просто, какъ въ какой-нибудь Даніи, или даже Франціи, Италіи, Испаніи. При существованіи въ Россіи до 50 народностей и до 33% инородческаго населенія, въ ея законодательствѣ, управленіи, судахъ, школахъ должны быть приняты въ расчетъ законныя потребности не только основного народа, русскаго, но и всѣхъ народовъ второстепенныхъ. Единство русскаго государственнаго языка и русской государственной школы должно у насъ мирно уживаться съ законною свободою всѣхъ областныхъ языковъ, подлитературъ, вѣроисповѣдныхъ и частныхъ школъ. Даже въ государственной нашей школѣ долженъ быть открытъ извѣстный просторъ для материнской рѣчи дѣтей инородцевъ. Да такъ и было у насъ издревле. Потому то и прославились у насъ такіе

„апостолы языковъ“, какъ Стефанъ Пермскій, Гурій Казанскій, Трифонъ Печенгскій, Иннокентій Якутскій, Гурій Алтайскій и м. др.

Въ школьной же области ихъ вѣрнымъ продолжателемъ былъ Ильминскій, знаменитый основатель нашей новѣйшей русско-инородческой системы начальнаго образованія, построенной на любовномъ сочетаніи въ школѣ языковъ материнскаго и русскаго и на предпочтеніи внутреннихъ основъ образованія его внѣшнимъ язычнымъ формамъ.

Но Ильминскій руководился при этомъ требованіями психологіи и педагогики, а не затѣями политическими, почему его система и не могла распространяться на школу малорусскую или бѣлорусскую. Въ противномъ случаѣ пришлось бы считать малорусовъ и бѣлорусовъ не настоящими русскими людьми, а какъ бы инородцами, настолько оторванными отъ своего рода-племени, что они уже не могутъ ни мыслить ни учиться на его общемъ языкѣ. Тогда пришлось бы допустить, что рѣчь южнорусская дальше отстоитъ отъ великорусской, чѣмъ нижненѣмецкая отъ верхненѣмецкой въ Германіи, а ойльская отъ окской во Франціи, чего, конечно, не скажетъ ни одинъ знатокъ нѣмецкой и французской діалектологіи. Если, однако, при всѣхъ глубокихъ діалектическихъ различіяхъ въ средѣ языковъ нѣмецкаго, французскаго, итальянскаго и др. существуютъ однако на Западѣ общенаціональныя школы нѣмецкая, французская, итальянская, притомъ не только высшія и среднія, но и низшія, то почему только

въ Россіи должна распасться по языку національная школа, несмотря на цѣлые вѣка ея традиціоннаго единства?

Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что, вступивъ на почву просторѣчій и домогаясь книжнаго употребленія мѣстной рѣчи въ каждой сельской школѣ, мы не въ состояніи будемъ ограничиться лишь двумя или тремя русскими школьными діалектами и школьными литературами, такъ какъ просторѣчій въ Россіи безчисленное множество, согласно ходячему изреченію: что городъ, то норовъ, что село, то погудка. Разбродъ же школъ неизбѣжно отразится и на оскудѣніи школьной литературы, слѣдовательно, на условіяхъ ея состязанія съ прочими нашими языками и литературами, напримѣръ, польскою, нѣмецкою, даже татарскою, въ которыхъ вѣдь вовсе не замѣтно стремленія къ дробленію по просторѣчіямъ. Наоборотъ, между нашими тюркскими племенами, разбросанными въ числѣ до 15 милліоновъ на огромномъ пространствѣ прежней Золотой Орды, замѣчается именно теперь настойчивое стремленіе къ объединенію въ области языка, притомъ на почвѣ не какого нибудь казанскаго или астраханскаго нарѣчія, а въ смыслѣ сближенія черезъ діалектъ крымскій съ цареградскою рѣчью османскихъ турокъ!

Нѣкоторые наши педагоги предполагаютъ, будто главная трудность въ южнорусской начальной школѣ заключается въ глубокомъ различіи материнской рѣчи дѣтей отъ языка школьныхъ

книгъ. Но вѣдь тѣ же трудности встрѣчаются и въ великорусской сельской школѣ, не исключая даже Московской губерніи. Очевидно, онѣ лежатъ не столько въ формахъ языка, сколько въ естественномъ различіи рѣчи дѣтей и взрослыхъ, обусловленномъ неизбѣжною противоположностью между конкретнымъ мышленіемъ дѣтей и отвлеченными обобщеніями науки. Единственнымъ средствомъ побороть этого рода трудности является изустное объясненіе учителя, который, пользуясь при обученіи и рѣчью дѣтей, незамѣтно создастъ для нихъ живой мостъ къ языку книгъ. Если же мы погонимся въ школѣ за возможнымъ опрощеніемъ рѣчи, размѣнявъ образованный языкъ Пушкина, Тургенева, Толстого на зыбкую рѣчь нянекъ или хотя бы московскихъ просвирень, то этимъ окажемъ помѣху, а не содѣйствіе дальнѣйшему развитію въ ученикахъ и дара слова, и дара мышленія.

Ничего нельзя возразить и противъ употребленія какъ малорусскаго, такъ и прочихъ нашихъ просторѣчій въ такого рода областныхъ подлитературахъ, какія существуютъ и на Западѣ на діалектахъ швабскомъ, провансальскомъ, каталонскомъ и др. Но эти діалекты никогда не вторгаются тамъ въ область высшей національной литературы. Трудно представить себѣ и у насъ разумную цѣль въ переводахъ на одно изъ южнорусскихъ просторѣчій, или хотя бы на діалектъ Шевченки, произведеній Пушкина, Гоголя, Тургенева, которыя такъ легко доступны и въ подлинникѣ мало-мальски грамотному южнорусу. Еще

менѣе производительнымъ представляется намъ трудъ, потраченный на южнорусскіе переводы сочиненій Костомарова, Потебни, Менделѣева.

Что касается способовъ взаимодѣйствія діалектовъ съ языками общими, то оно совершается правильно лишь тамъ, гдѣ необходимые термины и фразы заимствуются первыми изъ вторыхъ, а не изъ какихъ-нибудь чужихъ языковъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ упомянутомъ галицко-украинскомъ жаргонѣ.

Съ нашей точки зрѣнія, одинаково преступными являются какъ попытки насильственнаго объединенія, когда задачею общерусскаго языка ставится подавленіе всѣхъ областныхъ діалектовъ и живыхъ просторѣчій, такъ и противоположныя имъ попытки насильственнаго разъединенія въ области языка, гдѣ для каждаго просторѣчія какъ бы воздвигается тронъ, въ видахъ отторженія отъ языка общерусскаго той или иной части его законнаго достоянія.

Въ первомъ случаѣ мы могли бы разглядѣть въ области языка отраженіе жестокихъ обычаевъ османскаго двора, гдѣ при воцареніи новаго султана были убиваемы всѣ его братья, какъ его возможные соперники; во второмъ же у насъ воскресла бы старорусская удѣльная система, гдѣ каждый княжичъ желалъ имѣть свой особый, хотя бы и низенькій троникъ, что и довело, наконецъ, старую Русь до порабощенія ея на востокѣ Татарвою, а на западѣ Литвою и потомъ Польшею.

Какъ бы не повторилось того же и въ буду-

щемъ, въ случаѣ распаденія русскаго народа на двѣ или болѣе частей, сначала въ языкномъ, потомъ въ общественномъ, а наконецъ и въ государственномъ отношеніи!

Въ наглядной формѣ изображены опасности южнорусскаго сепаратизма въ слѣдующихъ строкахъ нашего извѣстнаго изобрѣтателя и публициста І. Н. Ливчака, въ его брошюрѣ: „О современномъ раздвоеніи культурныхъ направленій въ общественной жизни Галицкой Руси“. (С.-Петербургъ, 1903 г. стр. 10—11).

„Организмъ нынѣшней могучей Русской державы—пишетъ авторъ—можно уподобить гигантскому, закованному въ броню кораблю, имѣющему въ себѣ множество разнаго объема каютъ, въ которыхъ удобно и безопасно помѣщаются всѣ народности, входящія въ составъ Россійской имперіи. Основаніемъ этому кораблю служитъ киль, сработанный изъ одного цѣльнаго ствола—русскаго національнаго дерева. Послѣ многовѣкового вполнѣ успѣшнаго плаванія, корабль этотъ замедлилъ нѣсколько, какъ думаютъ нѣкоторые его пассажиры, свое общее поступательное движеніе. И вотъ появились самозванные кораблестроители, которые серьезно твердятъ, что будетъ гораздо лучше, если разрубить этотъ корабль на двѣ части, потому что онъ черезчуръ ужъ громоздокъ и потому медленно двигается впередъ. „Давайте братцы нѣмецкій топоръ и польскую пилу, примемся дружно за работу и распилимъ киль... Тогда корабль самъ собою раздѣлится на двѣ части. Мень-

шая часть будетъ наша и мы поплывемъ на ней самостійно и гораздо шибче". Такую проповѣдь возглашаютъ иниціаторы малорусскаго сепаратизма. Можетъ ли быть что-нибудь сумасброднѣе такого нелѣпаго проекта? Вѣдь очевидно, что если выполнить его, то обѣ части корабля оказались бы непригодными для плаванія по собственному, независимому курсу и что именно меньшая его часть сразу потеряла бы свою остойчивость на бурномъ морѣ и неминуемо сдѣлалась бы добычею... могучаго тевтонскаго корабля, на флагѣ котораго написано: „Durch Einheit zur Freiheit" т. е. „единствомъ къ свободѣ".

Если же это такъ, то не въ правѣ ли мы сдѣлать нашимъ разъединителямъ, при помощи нѣмецкаго топора и польской пилы подпиливающимъ самый киль нашего національнаго единства, Гладстоновскій окликъ: hands off! руки прочь!

И этотъ окликъ долженъ теперь раздаваться со стороны не правительства, а самого общества, на которое, вмѣстѣ съ соучастіемъ въ строительствѣ страны, ложится отнынѣ и отвѣтственность за ея будущее.

Но, скажутъ намъ разъединители, не будетъ ли такое ограниченіе со стороны единомышленниковъ Славянскаго общества правъ въ Россіи второихъ и третьихъ языковъ измѣною его собственному Кирилло-Меѳодіевскому знамени? Не будетъ ли это измѣною священнымъ завѣтамъ Кирилла Философа, который какъ разъ ратовалъ противъ триязычной ереси, то-есть монополіи въ области

литургическаго языка, и который, создавъ славянскій языкъ и письменность, какъ бы отпилилъ этимъ славянскую часть греко-славянскаго культурнаго корабля, чтобы дать ей самобытное движеніе?

На это мы отвѣтимъ, что тогда еще не было такого корабля. Славяне, для которыхъ созданъ былъ Кирилломъ особый литургическій языкъ, именно болгаре, русскіе, велико-мораване, не плыли еще въ ту пору на греческомъ или вѣрнѣе византійскомъ кораблѣ, а представляли какъ бы особыя флотиліи первобытныхъ судовъ, свободно крейсировавшихъ по водамъ Востока и Запада, не входя еще рѣшительно въ кругъ притяженія ни Багдада, ни Цареграда, ни Рима.

Дѣлая славянамъ уступки въ области языка, Кириллъ Философъ, какъ и его учитель патріархъ Фотій, очевидно, къ тому и стремились, чтобы привлечь къ восточному христіанству этотъ выступающій міръ народовъ и тѣмъ обезпечить въ нихъ для Византіи вѣрныхъ сотрудниковъ, а впослѣдствіи и продолжателей.

Изъ вложенныхъ же Паннонскимъ житіемъ въ уста императору Михаилу, въ его бесѣдѣ съ великоморавскими послами, словъ: „да и вы причьтетесѧ велицѣхъ і-ѧзыцѣхъ, иже славѧть Бога своимь і-ѧзыкъмь“, видно, что въ Византіи болѣе дальновидные люди, какъ напр. патріархъ Фотій и Кириллъ Философъ, уже предугадывали тогда великое значеніе Славянства, какъ племени, призваннаго стать наряду съ греками и римлянами въ исторіи христіанскаго просвѣщенія.

Потому то Кириллъ Философъ, переведя евангеліе и богослужебныя книги на говоръ образованныхъ славянъ Цареграда или Пропонтиды, не передѣлывалъ затѣмъ его при устроеніи церквей и школъ болгарскихъ, чехо-словенскихъ, словинскихъ, вѣроятно и русскихъ, польскихъ, сербскихъ,—очевидно, считая всѣ эти вѣтви великаго племени достаточно близкими между собою для духовнаго объединенія на почвѣ греко-славянской церкви и общеславянской письменности. Потому то уже въ древнее время кирилловскому языку и присвоено было названіе „словѣньскый", въ смыслѣ родового термина, объединяющаго всѣ славянскія нарѣчія. Мы можемъ, конечно, предполагать, что какъ Солунскіе братья, такъ и ихъ ученики пользовались при объясненіи своихъ книгъ въ славянскихъ школахъ мѣстными просторѣчіями,—чѣмъ и объясняется появленіе діалектическихъ наслоеній на общей основѣ нашего санскрита. Но никто не мѣшаетъ и въ нашихъ школахъ—малорусскихъ, бѣлорусскихъ, даже великорусскихъ—давать устныя объясненія на мѣстныхъ просторѣчіяхъ! Изъ этого не вытекаетъ однако необходимость на каждомъ изъ такихъ просторѣчій развивать особую школьную литературу.

Насколько жизненнымъ оказался взглядъ Кирилла Философа на возможность прочнаго единенія всѣхъ славянскихъ народовъ на почвѣ общаго литургическаго языка, видно изъ сохраненія послѣдняго на протяженіи десяти вѣковъ не только у южныхъ славянъ, гдѣ этотъ языкъ зародился, но

и восточныхъ, гдѣ онъ былъ только родственнымъ, но не материнскимъ. Наши старообрядцы, которые всего чище хранятъ завѣты и отражаютъ нормальныя стремленія русской народности, донынѣ употребляютъ церковно-славянскій языкъ не только въ богослуженіи, но и въ своихъ наивныхъ писаніяхъ. Мы нѣсколько удалились въ этомъ отношеніи отъ старины. Но все-же и Пушкинъ въ своемъ кипящемъ жизнью языкѣ не разрывалъ связей съ его старыми преданіями. Почему же мы должны теперь выбиться изъ исторической колеи и, забывъ о завѣтахъ Кирилла Философа, Ломоносова, Пушкина, Гоголя, очертя голову броситься въ хаосъ просторѣчій и тарабарскихъ жаргоновъ львовскаго или черновецкаго издѣлія?

Не на св. Кирилла должны ссылаться и тѣ изъ нашихъ теплохладныхъ патріотовъ, которые, признавая въ принципѣ единство Русской земли и народа, не рѣшаются однако открыто выступить въ оборонѣ этого единства, изъ опасенія упрековъ въ нетерпимости и братоненавистничествѣ. Нѣтъ, св. Кириллъ не принадлежалъ къ числу такихъ непротивленцевъ, а, наоборотъ, посвятилъ всю свою миссіонерскую жизнь открытой борьбѣ за православіе и славянство. По своему положенію и званію библіотекаря онъ могъ бы уединиться въ своей кельи и устраниться отъ волненій борьбы, какъ наши непротивленцы—академики. Онъ могъ сдѣлать это тѣмъ съ большимъ правомъ, что имѣлъ для кабинетныхъ занятій столь громадный и чисто академическій трудъ, какъ установленіе славянской

письменности и переводъ на нововыступающій языкъ цѣлаго круга библейскихъ и богослужебныхъ книгъ.

Но тогда его академическій трудъ, пожалуй, такъ и остался бы на полкахъ библіотекъ, ничѣмъ не отразившись въ жизни народовъ.

А Кириллъ Философъ понималъ свою задачу глубже, жизненнѣе. Ему нужно было, съ одной стороны, отстоять истины православія отъ извращеній магометанскихъ на востокѣ, а папскихъ на западѣ, съ другой же—вывести на историческій путь новое огромное племя и отстоять его духовную свободу. Вотъ мотивъ его миссіонерскихъ поѣздокъ то къ арабскому эмиру, то къ хозарскому кагану, то къ велико-моравскому князю, то къ самому папѣ, чтобы въ безчисленныхъ трудахъ и опасностяхъ отстаивать тамъ дѣло православія и славянства. Встрѣчаясь на пути съ насильниками и поработителями послѣдняго, онъ не могъ, конечно, отражать ихъ силою, хотя бы въ такой формѣ, какъ Іисусъ, Который, встрѣтивъ въ Іерусалимскомъ храмѣ торгующихъ, сдѣлалъ изъ веревки бичъ и выгналъ ихъ изъ храма. Но за то Кириллъ не переставалъ убѣждать соблазнителей и недруговъ славянства, обличать ихъ, а иногда даже проклинать, какъ это выразилось въ сохраненной Панноніскимъ житіемъ его предсмертной молитвѣ, которая начинается словами: „Господи! погуби триязычную ересь“.

Итакъ, Мм. Гг., опираясь на безспорныя теоретическія и практическія доказательства нашего

племенного и культурнаго единства, на его крѣпкія основы и въ чувствахъ массъ, и въ сознаніи лучшихъ людей племени, на безусловную необходимость этого единства при выполненіи тѣхъ задачъ, которыя возложены Промысломъ на Россію въ судьбахъ славянства и христіанства, наконецъ, на объединительные завѣты св. Кирилла и всѣхъ его вѣрныхъ послѣдователей, начиная отъ Нестора и кончая Пушкинымъ, Гоголемъ, Достоевскимъ, мы имѣемъ не только право, но и нравственный долгъ,—выражаясь словами древняго Баяна—„вступить въ златъ стремень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святославлича“. Мы обязаны дать дружный отпоръ тѣмъ „украинцамъ“, которые - по святой ли простотѣ, или по интригамъ враговъ, или наконецъ по корыстному желанію стать изъ вторыхъ въ городѣ первыми въ деревнѣ—упражняются теперь въ раскалываніи то „нѣмецкимъ топоромъ“, то „польскою пилою“ самого ядра нашей земли и народности. Въ сознаніи, что раздѣленіе Россіи есть ея ослабленіе, а въ дальнѣйшемъ—порабощеніе и неминуемая гибель, мы должны—хотя спокойно, но и во всеуслышаніе — закричать этимъ опаснымъ разъединителямъ: „руки прочь“!

